

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДОБРОВОЛЬНЫХ МИГРАНТОВ В УСЛОВИЯХ МЕГАПОЛИСА

А. В. Смотрицкий, г. Киев

Процесс социально-психологической адаптации мигрантов в условиях мегаполиса рассматривается через призму трансформации социальной идентичности. Выделена категория “добровольные мигранты”, для которой “факторы притяжения” (привлекающие в новое общество) оказываются сильнее, чем “факторы отталкивания” (оказывающие давление и заставляющие выезжать). Обозначены характерные черты мегаполисного менталитета: внутренняя непротиворечивость базовых убеждений, прагматизм, рационализм, представления об относительности добра и зла, приоритет индивидуалистического начала над коллективистическим. Проанализирована необходимость установления и поддержания баланса между личностной и социальной идентичностями в процессе социально-психологической адаптации. Установлено, что главной особенностью ресоциализации мигрантов в условиях мегаполиса является их ориентация на социокультурную среду как гораздо более доминантную, чем этнокультурная. Обосновано использование досугово-танцевальных практик – технологии оптимизации процесса социально-психологической адаптации мигрантов в условиях мегаполиса. Определены механизмы идентификации и дифференциации, влияющие на трансформацию социальной идентичности мигрантов посредством досугово-танцевальных практик.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, ресоциализация мигрантов, добровольные мигранты, мегаполис, мегаполисная идентичность, досугово-танцевальные практики.

Проблема. Миграционные тенденции последнего времени характеризуются увеличением потока добровольных мигрантов с территории бывшего СССР в мегаполисы развитых европейских стран. Многочисленные исследования проблемы миграции в различных областях знаний обозначили существенные отличия в миграционном поведении различных категорий переселенцев: добровольных и вынужденных мигрантов, постоянных и временных, внешних и внутренних. При этом необходимо отметить недостаток социально-психологических работ, в которых изучаются особенности адаптации добровольных мигрантов, их интеграции в новое социокультурное окружение. Кризис идентичности, обусловленный изменением условий проживания, кардинальной сменой круга общения, происходит как у мигрантов, так и у представителей местного населения, поэтому продуктивное взаимодействие и общение становятся возможны лишь после взаимной социально-психологической и социокультурной

адаптації представителів цих соціальних груп, формування нової позитивної соціальної ідентичності.

Специфіку соціально-психологічної адаптації мігрантів в умовах мегаполіса вивчали багато дослідників [4; 6; 8; 9]. Значительное внимание ученые уделяют социокультурной составляющей процесса адаптации [4; 6–9; 14], трансформации социальной идентичности [1–4; 6–9; 13; 14]. Однако по-прежнему недостаточно разработанными остаются практические средства и технологии формирования позитивной социальной идентичности мигрантов. Поиску таких инструментов в сфере досугово-танцевальных (ДТП) практик вплоть до наших исследований надлежало бы уделять больше внимания.

Нерешенными частями общей проблемы являются многие феномены, связанные с особенностями формирования идентичности с учетом телесности человека. Также в психологических исследованиях крайне незначительно представлены определения города как специфического социально-психологического феномена.

Целью статьи является анализ трансформации социальной идентичности мигрантов в условиях мегаполіса с помощью обращения к досугово-танцевальным практикам.

Исследуемые нами добровольные мигранты в большей степени, чем вынужденные переселенцы или беженцы, а также сезонные работники или “заробитчане”, ориентированы на развитие и самореализацию, достижение субъективного благополучия и комфорта “здесь и сейчас” в отличие от стратегии на выживание, характерной для последних. Принимая решение о миграции самостоятельно, без внешнего давления, добровольный мигрант исходит из своих потребностей, реализацию которых связывает в том числе со скорейшей и оптимальной адаптацией к новой социокультурной среде, коей является современный мегаполис.

Термин “мегаполис” мы используем по отношению не к любому городу с населением свыше 1 миллиона жителей, как это принято у некоторых исследователей-урбанистов. В нашем понимании мегаполис характеризует наличие специфической социокультурной ментальности, сформированной посредством слияния множества культур. А. В. Микляева и П. В. Румянцева полагают, что столичный менталитет (одна из самых популярных “классификаций”) в значительно большей степени, нежели провинциальный, “характеризуется внутренней непротиворечивостью базовых убеждений, прагматизмом, рационализмом, представлениями об относительности добра и зла, приоритетом индивидуалистического начала над коллективистическим” [9, с. 12]. Мегаполис – это прежде всего единство разных; поэтому как для мигрантов, так и для местных жителей жизненно важным является поддержание этого обоюдывыгодного вида

симбиоза, обеспечивающего привлекательность данной формы городского расселения. Желательный результат социально-психологической адаптации состоит в освоении мегаполисной культуры, характеризующейся преобладанием общечеловеческих и интернациональных составляющих (ценности, нормы и идеалы) в отличие от этнических составляющих культуры, свойственных провинциальным поселениям.

Несмотря на этническое возрождение, имевшее место во второй половине XX века, подтвержденное существованием в мировой науке ряда объяснительных концепций, необходимо отметить, что мегаполисы в наименьшей степени подвержены воздействию этого феномена. Поэтому в нашем исследовании речь идет об адаптации не к этнокультурной, а к социокультурной среде как гораздо в большей степени доминирующей в условиях мегаполиса при незначительном влиянии индигенного народа. По этой причине в выборку нашего исследования попала и категория мигрантов, переехавших в мегаполис после длительного периода проживания в провинциальных районах принимающей страны.

По мнению М. А. Максимова, “кризис идентичности – это неизбежный этап в процессе адаптации мигрантов к новым условиям жизни, успешное его преодоление приводит личность к обретению новой, более зрелой идентичности” [7, с. 117]. Изучая механизмы процесса социально-психологической адаптации мигрантов, вслед за многочисленными исследователями мы пришли к выводу, что “люди организуют и направляют свое поведение в соответствии с их субъективными представлениями о себе, выраженными в идентичности. Поэтому знание идентичности личности позволяет предсказывать поведение человека, которое строится на основе интериоризации (вбирания внутрь) занимаемых им объективных социальных статусов” [11, с. 84].

Согласно когнитивистской парадигме (в русле которой была сформирована теория социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера) базис идентичности, или “Я-концепции”, опирается на два основания: личностную идентичность (осознаваемые индивидуальные особенности) и социальную идентичность. Первая, личностная, выражается в терминах физических, интеллектуальных и нравственных личностных черт; вторая, социальная, определяется через принадлежность к какой-либо социальной общности. Важно, что социальная идентичность может быть положительной, если группа, с которой идентифицирует себя индивид, положительно оценивается обществом, а может быть, напротив, негативной, если к группе относятся отрицательно. Во втором случае индивид скорее всего будет стремиться изменить ситуацию, пытаясь либо покинуть группу, либо изменить ее оценку обществом [10]. Возможность перехода из одной группы в другую (транспарентность границы) минимизирует напряженность между группами.

“Я-концепция” в целях приспособления к различным ситуациям регулирует поведение человека, делая более выраженным осознание либо социальной, либо личностной идентичности. В. С. Агеев отмечает, что “большая выраженность в самосознании социальной идентичности влечет за собой переход от межличностного поведения к межгрупповому. Основной чертой последнего является то, что оно контролируется восприятием себя и других с позиций принадлежности к социальным категориям. Это ведет к акцентуации воспринимаемого сходства внутри группы и воспринимаемого различия между теми, кто относится к разным группам” [1, с. 352]. Выход из ситуации нам видится в уравновешенности выраженности в самосознании социальной и личностной идентичности. Процесс социально-психологической адаптации можно считать завершенным, если условный партнер по общению будет рассматриваться как уникальный субъект взаимоотношений, а не представитель какой-либо аут- или ингруппы с присущими ей характеристиками.

Согласно Ю. Хабермасу, “установление и поддержание баланса между личностной и социальной идентичностями происходит с помощью техник взаимодействия, среди которых исключительное значение отводится языку (и именно как язык общения нами исследуется танец. – А. С.). В процессе взаимодействия человек проясняет свою идентичность, в личностной идентичности проявляется стремление человека к своей индивидуальности, неповторимости, в а социальной – стремление соответствовать нормативным ожиданиям партнёра. Это противоречие представляет собой дилемму в поведении и жизни человека: быть как все или быть отличным от других. В реальном взаимодействии человек всегда стремится к поиску компромисса между этими двумя сторонами” [4, с. 23]. Очевидно, что сама специфика занятий социальными парными танцами подсказывает мигранту творческое разрешение этого компромисса – импровизация и самовыражение в рамках заданного танцевального стиля. “В результате человек артикулирует и актуализирует свою социальную природу, осуществляя в предложенных обществом границах собственный выбор” [2, с. 72], так же как самовыражение аутентичных творческих способностей в досугово-танцевальных практиках происходит исключительно в рамках заданного танцевального стиля. При этом спонтанная (хаотичная, нестилевая) импровизация (при всех ее достоинствах и положительных эффектах в психотерапии) не может способствовать мигранту в процессе социально-психологической адаптации и дальнейшей интеграции. Не учитывающая нормы, обычаи и традиции социума попытка спонтанного самовыражения (проявления отличной от других индивидуальной техники и артистичности) способна превратить мигранта в изгоя.

Социальная идентичность определяется как часть Я-концепции индивида, которая возникает из осознания своего членства в социальной

группе (или группах) вместе с ценностным и эмоциональным значением, придаваемым этому членству [14]; рассматривается как динамическая структура, образующаяся за счет механизмов идентификации и дифференциации, состоящая из когнитивного и аффективного компонентов, и развивающаяся на протяжении всей жизни человека в соответствии с изменениями социального контекста; проявляется в различных формах (этнической, гражданской, идеологической, религиозной, половой, общечеловеческой, профессиональной) [3].

Становление социальной идентичности происходит в процессе социализации. Д. И. Фельдштейн в качестве критериев социализированности личности выделяет: 1) содержание сформированных установок, стереотипов, ценностей, “картин мира” человека; 2) адаптированность личности, ее нормотипическое поведение; 3) социальную идентичность. Однако главным критерием социализированности личности выступает не степень ее приспособленчества, конформизма, а степень ее независимости, уверенности, раскрепощенности, инициативности, незакомплексованности [13].

Некоторые исследователи выделяют в процессе социализации две фазы: социальную адаптацию и интериоризацию (интернализацию). А. И. Ковалева, например, рассматривает социальную адаптацию как “приспособление индивида к социально-экономическим условиям, ролевым функциям, социальным нормам, среде жизнедеятельности, а интериоризацию соответственно как процесс включения социальных норм и ценностей во внутренний мир человека” [2, с. 71]. В связи с этим в нашем эмпирическом исследовании мы использовали методiku М. Куна и Т. Макпартленда “Кто я?”, ориентированную на субъективную презентацию идентичности.

Даже при таком разделении процесса социализации на две фазы: социальную адаптацию и интериоризацию – очевидно, что адаптация должна быть подчинена последующей интериоризации. Иначе, если рассматривать процесс адаптации как вырванный из контекста более глобального процесса социализации, то, возможно, конформная стратегия адаптации будет расцениваться как наиболее эффективная и быстрореализуемая (а в ситуациях закрытых групп – армия, тюрьма, внезапная, неподготовленная экспедиция – и единственно возможная), но, учитывая все этапы развития личности и беря во внимание весь спектр ее потребностей, мы приходим к выводу о том, что уже в процессе адаптации должны начать формироваться навыки, позволяющие впоследствии говорить об аутентичности развития личности мигранта. Как утверждает Т. В. Румянцева, “структура идентичности внутренне противоречива; она отражает, с одной стороны, стремление человека к уникальности, с другой стороны,

желание быть понятым и принятым значимым социальным окружением” [11, с. 84].

Из вышеизложенного напрашивается вывод, что процесс интеграции взрослого мигранта в инокультурное сообщество корректней было бы назвать процессом ресоциализации, но, следуя научной традиции, мы будем говорить о социально-психологической (социокультурной) адаптации, подразумевая оба этапа, выделенные А. И. Ковалевой: социальную адаптацию и интериоризацию. При этом за точку отсчета процесса социально-психологической адаптации нами принимается субъективно оцениваемое появление внутреннего конфликта, разрешение которого видится в следовании одной из стратегий, обозначенных К. Томасом и Р. Килменном: уклонение (уход), принуждение, уступчивость, компромисс, сотрудничество, – расположенных в системе координат между векторами: степень внимания к интересам другой стороны, степень внимания к собственным интересам. Отмеченные стратегии и векторы в определенной степени созвучны теории аккультурации Дж. Берри [6]. Несмотря на существенные недостатки сетки Томаса – Килменна в качестве метода предсказания в конфликтных ситуациях [12], выделенные К. Томасом и Р. Килменном стратегии великолепно обрабатываются в досугово-танцевальных практиках, что позволяет овладевать навыками разрешения конфликтных ситуаций (применения разных стратегий) в зависимости от возможного поведения других партнеров по взаимодействию.

Так же важно говорить о телесности человека как о компоненте социальной идентичности. Досугово-танцевальные практики помогают лучшей идентификации сознания человека и его тела. Зачастую реальность образа мигранта (да и местного жителя) отлична от телесного феномена. “Образ обретает реальность, когда объединяется с чувством или ощущением. Отождествление, основанное на образах и ролях, рано или поздно перестает удовлетворять” [5, с. 113].

Нередко проблемы социально-психологической адаптации наших бывших соотечественников за границей вызваны их воспитанием в обстановке излишней закрепощенности, подавления телесного, чувственного начала. Досугово-танцевальные практики являются площадкой совмещения эмоционального и ментального развития личности мигрантов, где работа с телом и работа с интеллектом сведены воедино в отличие от обыденной жизни с характерным для нее перекосом в сторону интеллектуального развития. Такие практики формируют умение телесно отзеркаливать двигательные паттерны высокостатусных социальных групп, что приводит также к телесной привлекательности мигрантов.

Доверие и взаимодействие на интимно-личностной дистанции способствуют оптимизации социально-психологической адаптации мигрантов в мегаполисе, где высокая общая численность населения “приводит к

повышению анонимности и одновременно к постоянному нарушению границ личного пространства конкретного жителя” [9, с. 9]. Описывая взаимоотношения людей в ингруппе и с аутгруппой, Д. Мацумото отмечает, что “большинство людей интуитивно чувствуют принадлежность к своей группе и узнают чужаков. Взаимоотношения в ингруппе характеризуются близким знакомством, внутренней теплотой и доверием, отношения развиваются на основе дружбы и общих целей. Во взаимоотношениях с аутгруппой не устанавливаются близкое знакомство, теплота и доверие. Достаточно часто отношения с аутгруппой проявляются в чувствах враждебности, агрессии, равнодушия, превосходства” [8, с. 520]. Отсюда можно сделать вывод, что через “близкое знакомство, внутреннюю теплоту и доверие” в досугово-танцевальных практиках вырисовываются взаимоотношения, подобные ингрупповым, что при наличии среди танцоров как мигрантов, так и местных жителей облегчает процесс их взаимной адаптации.

Уникальность досугово-танцевальных практик состоит в том, что в социальном танцевальном взаимодействии практически отсутствует темпоральный фактор. Между выбором стратегий и форм взаимодействия, их реализацией и реакцией обратной связи проходит ничтожно малое время, ограниченное ритмом музыкальной композиции. Построенное на доверии взаимодействие не требует длительного формирования его кредита. Доверие возникает как условие взаимодействия, а не как результат предшествующего положительного опыта. Умения и навыки социального танцевального взаимодействия находят в течение времени танца свое многократное положительное подкрепление.

Выводы. В досугово-танцевальных практиках мигранты имеют возможность повысить свой социальный статус, занять значимое место в референтной группе и, как результат, сформировать позитивную социальную идентичность гораздо легче, чем в профессиональной или публичной сферах, ввиду неформальности и ненормативности данных взаимоотношений. Положительный опыт способен укрепить их уверенность в возможности добиться подобного результата в профессиональной, гражданской и других жизненно важных сферах деятельности.

Перспективы дальнейших исследований видятся в создании батареи диагностических методик, позволяющих зафиксировать положительную динамику трансформации социальной идентичности мигрантов.

Литература

1. Агеев В. С. Социальная идентичность личности / В. С. Агеев // Социальная психология: Хрестоматия : учеб. пособие для студ. вузов / сост. Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. – М. : Аспект Пресс, 1999. – С. 349–356.
2. Богданова В. В. Траектории социализации как социологический феномен / В. В. Богданова // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 1. – С. 70–74.

3. *Иванова И. В.* Социализация и формирование социальной идентичности в период детства [Электронный ресурс] / И. В. Иванова. – Режим доступа : www.psvchologv.ru/lomonosov/icsiscs/hp.htm/
4. Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты : кол. моногр. / К. В. Патырбаева, В. В. Козлов, Е. Ю. Мазур и др. ; науч. ред. К. В. Патырбаева ; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2012. – 250 с.
5. *Коростелина А. В.* Образ тела как психологический феномен / А. В. Коростелина // Вопросы психологии. – 1999. – № 4. – С. 110–114.
6. Кросс-культурная психология: исследования и применение / Дж. Берри, А. Х. Пуртинга, М. Х. Сигалл, П. Р. Дасен. – Х. : Гуманитар. центр, 2007. – 558 с.
7. *Максимов М. А.* Особенности процесса социально-психологической адаптации мигрантов к новым условиям жизни / М. А. Максимов // Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации : материалы междунар. науч.-практ. конф. 28–29 сентября 2013 г. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum “Sociosféra-CZ”, 2013. – С. 112–118.
8. *Мацумото Д.* Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия / Дэвид Мацумото. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2008. – 668 с.
9. *Микляева А. В.* Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? / А. В. Микляева, П. В. Румянцева. – СПб. : Речь, 2011. – 160 с.
10. *Пузанова Ж. В.* Теоретические подходы и методологическая специфика исследования феномена социальной идентичности в эмпирической социологии / Пузанова Ж. В., Седнева М. В., Филоненко М. В. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2013. – № 3. – С. 14–24.
11. *Румянцева Т. В.* Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре : учеб. пособие / Т. В. Румянцева. – СПб. : Речь, 2006. – 176 с.
12. *Светлов В. А.* Классификация стратегий поведения в конфликте К. Томаса и Р. Килменна и единая теория конфликта [Электронный ресурс] / В. А. Светлов. – Режим доступа : <http://www.sworld.com.ua/konfer34/304.pdf>
13. *Фельдштейн Д. И.* Психология развития личности в онтогенезе / Д. И. Фельдштейн. – М. : Педагогика, 1989. – 206 с.
14. *Tajfel H.* Human groups and social categories: Studies in social psychology / H. Tajfel. – Cambridge, 1981. – 255 p.

Reference

1. Ageev, V. S. (1999). Sotsialnaya identichnost lichnosti [Social identity of personality]. In E. P. Belinskaya, O. A. Tikhomandritskaya (Eds.), *Sotsialnaya psikhologiya: khrestomatiya* [Social psychology: chrestomathy] (pp. 349–356). Moscow: Aspekt Press Publ. (rus).
2. Bogdanova, V. V. (2009). Traektorii sotsializatsii kak sotsiologicheskii fenomen [The trajectories of socialization as a sociological phenomenon]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability], 1, 70–74 (rus).

3. Ivanova, I. V. Sotsializatsiya i formirovanie sotsialnoy identichnosti v period detstva [Socialization and social identity formation during childhood], www.psvchology.ru/lomonosov/icsiscs/hp.htm/ (rus).
4. Patyrbaeva, K. V., Kozlov, V. V., Mazur, E. Ju., Konobeev, G. M., Mazur, D. V., Maricas, K. and Patyrbaeva, M. I. (2012). *Identichnost: sotsialno-psikhologicheskije i sotsialno-filosofskie aspekty: kollektivnaya monografiya* [Identity: socio-psychological and socio-philosophical aspects: collective monograph]. Perm (rus).
5. Korostelina, A. V. (1999). *Obraz tela kak psikhologicheskij fenomen* [The image of the body as a psychological phenomenon]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 4, 110–114 (rus).
6. Berri, Dzh., Purtinga, A. H., Sigall, M. H. and Dasen, P. R. (2007). *Kross-kulturnaya psikhologiya: issledovaniya i primenenie* [Cross-Cultural Psychology: Research and Application]. Harkiv: Humanitarian center Publ. (rus).
7. Maksimov, M. A. (2013). *Osobennosti protsessa sotsialno-psikhologicheskoy adaptatsii migrantov k novym usloviyam zhizni* [Features of social-psychological adaptation of migrants to new conditions of life]. *Etnotkulturnaya identichnost kak strategicheskij resurs samosoznaniya obshchestva v usloviyakh globalizatsii: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 28–29 sentyabrya 2013 g.* [Ethno-cultural identity as a strategic resource of identity in a globalized society: Materials of the international scientific-practical conference on 28–29 September 2013]. Praga: Sotsiosféra-CZ Publ., pp. 112–118 (rus).
8. Matsumoto, D. (2008). *Chelovek, kultura, psikhologiya. Udivitelnye zagadki, issledovaniya i otkrytiya* [Man, culture, psychology. Amazing puzzles, exploration and discovery]. St. Petersburg: Praym-Evroznak Publ. (rus).
9. Miklyaeva, A. V. and Rumyantseva, P. V. (2011). *Gorodskaya identichnost zhyteľnykh sovremennogo megapolisa: resurs lichnostnogo blagopoluchiya ili zona povyshennogo riska?* [City resident identity of the modern metropolis: a resource of personal well-being, or high-risk area?]. St. Petersburg: Rech Publ. (rus).
10. Puzanova, Zh. V., Sedneva, M. V. and Filonenko, M. V. (2013). *Teoreticheskie podkhody i metodologicheskaya spetsifika issledovaniya fenomena sotsialnoy identichnosti v empiricheskoy sotsiologii* [Theoretical approaches and methodological specifics of the study of the phenomenon of social identity in empirical sociology]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [Bulletin of Russian Peoples Friendship University. Series: Sociology], 3, 14–24 (rus).
11. Rumyantseva, T. V. (2006). *Psikhologicheskoe konsultirovanie: diagnostika ot-nosheniy v pare* [Psychological counselling: Assessment of relations of the couple]. St. Petersburg: Rech Publ. (rus).
12. Svetlov, V. A. *Klassifikatsiya strategiy povedeniya v konflikte K. Tomasa i R. Kilmenna i edinaya teoriya konflikta* [Classification of behavioral strategies in conflict K. Thomas and R. Kilmann and unified theory of conflict], <http://www.sworld.com.ua/konfer34/304.pdf> (rus).
13. Feldshteyn, D. I. (1989). *Psikhologiya razvitiya lichnosti v ontogeneze* [Psychology of personality development in ontogenesis]. Moscow: Pedagogika Publ. (rus).
14. Tajfel, H. (1981). *Human groups and social categories: Studies in social psychology*. Cambridge.

Смотрицький А. В. Трансформація соціальної ідентичності добровільних мігрантів в умовах мегаполісу

Процес соціально-психологічної адаптації мігрантів в умовах мегаполісу розглядається крізь призму трансформації соціальної ідентичності. Виділено категорію “добровільні мігранти”, для якої “фактори притягання” (якими приваблює нове суспільство) виявляються сильнішими, ніж “фактори відштовхування” (що чинять тиск і змушують виїжджати). Позначено основні характерні риси мегаполісного менталітету: внутрішня несуперечність базових переконань, прагматизм, раціоналізм, уявлення про відносність добра і зла, пріоритет індивідуалістичного начала над колективістичним. Проаналізовано необхідність встановлення і підтримки балансу між особистісною та соціальною ідентичностями в процесі соціально-психологічної адаптації. З’ясовано, що головною особливістю ресоціалізації мігрантів в умовах мегаполісу є їхня орієнтація на соціокультурне середовище як набагато більш домінантне, ніж етнокультурне. Обґрунтовано використання дозвілєво-танцювальних практик – технології оптимізації процесу соціально-психологічної адаптації мігрантів в умовах мегаполісу. Визначено механізми ідентифікації та диференціації, які впливають на трансформацію соціальної ідентичності мігрантів через дозвілєво-танцювальні практики.

Ключові слова: соціально-психологічна адаптація, ресоціалізація мігрантів, добровільні мігранти, мегаполіс, мегаполісна ідентичність, дозвілєво-танцювальні практики.

Smotrisky A. V. Transformation of social identity of voluntary migrants in conditions of megacity

The process of social and psychological adaptation of voluntary migrants in metropolis is considered from the standpoint of the transformation of social identity. We highlighted the definition of “voluntary immigrants”, for which “pull factors” (those factors that make new society attractive) appear stronger, than “push factors” (providing pressure and forcing to leave). The article outlines the principal features of the metropolitan mentality: internal consistency of basic beliefs, pragmatism, rationalism, conceptions about relativity of good and evil, priority of individualistic principles over collectivistic. Necessity for establishment and maintenance of balance between personal and social identity in the process of social and psychological adaptation is analyzed. It is established that the main peculiarity of re-socialization of immigrants in the metropolis is their orientation to the socio-cultural environment as much more dominant compared to ethnocultural. An integrated use of “leisure and dance practices” – technology of optimizing of social and psychological adaptation of the migrants in megacity is justified. The article defines identification and differentiation mechanisms that influence transformation of social identity of migrants through leisure and dance practices.

Key words: social and psychological adaptation, re-socialization of migrants, voluntary migrants, megacity, metropolitan identity, leisure and dance practices.